

**ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭТИКИ НА
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

УДК 330.162

М.А. Вахтина, доктор экономических наук, проректор ФГБОУ ВПО
«Поволжский государственный университет сервиса», г. Тольятти

Аннотация: В статье показано влияние восточной ветви христианства на экономическое поведение, выраженное в отношении к труду, собственности и прибыли. Формулируется вывод о глубинном соответствии между нормами православной хозяйственной этики и принципами социального рыночного хозяйства.

Ключевые слова: православная хозяйственная этика, экономическое поведение, хозяйственный рационализм, социальное рыночное хозяйство

Summary: Influence of east branch of Christianity on the economic behavior expressed in the relation to work, property and profit is shown in article. The conclusion about deep compliance between standards of orthodox economic ethics and the principles of a social market economy is formulated.

Keywords: orthodox economic ethics, economic behavior, economic rationalism, social market economy

В свое время Макс Вебер показал как протестантский дух породил новую разновидность капиталистического хозяйства [1], отличную от других типов капитализма предпринимательской активностью и рациональным расчетом. Исследования русских ученых (С. Н. Булгакова, М.И. Туган-Барановского, И.И. Янжула), основанные на глубинной связи между этикой и экономикой, оказались менее известными, но не менее значимыми для стран с православной духовной традицией, к которым относится и Болгария. Современные ученые восточно-европейских стран смогли поддержать эти научные традиции, не дав им прерваться.

Как известно, христианская хозяйственная этика облагородила человеческий труд, связав его с высокими жизненными целями. При этом для православной религиозной традиции (в отличие от католической и протестантской) было более характерно сосредоточение на внутреннем состоянии человека, что предопределило особое отношение к «духовной составляющей» труда. Такие предпочтения, с одной стороны, развивали творческое начало в труде, но с другой, не способствовали развитию прагматической стороны хозяйственного рационализма. Католические, и в особенности протестантские подходы, в большей степени располагали к оптимизирующему хозяйственному поведению, так как материальной стороне труда, выраженной в соотношении затрат и результатов, придавалось не меньшее значение. Это способствовало повышению мотивации работника к внедрению технических и технологических новшеств, более высокой оценке времени труда, которое приобретало в этой связи особую ценность как фактор обогащения, подогревало интерес к праву, экономическому и бухгалтерскому учету, отчетности. Большее сосредоточение на духовной жизни в православной хозяйственной этике ограничивало потребность в организационно-правовой стороне дела, снижало ценность материальных ресурсов, предопределяло более равнодушное отношение работника к внешне-организационным задачам, замедляло развитие профессиональной специализации. Из-за высокой оценки моральных ценностей - таких как добро и справедливость - законность и право не являлись приоритетными, а иногда и противопоставлялись им. Так как в католическом и протестантском религиозном сознании преобразование человека осуществлялись в значительной мере через внешнее воздействие – образование, культуру, дисциплину, здесь получила развитие идея верности своему сословию или профессии как высшей добродетели чего не было в православии, где в особенно ценилось нравственное совершенство [2, с.59]; [3, с.40].

На основе всего вышеизложенного, однако, не следует делать поспешный

вывод о том, что хозяйственный рационализм был присущ только католической и в большей степени протестантской духовной традиции. Рациональный подход к хозяйственной деятельности и свойственный ему принцип максимизации оставались неизменной составляющей любого трудового процесса. При этом имели место важные различия, касающиеся, прежде всего, ценностной шкалы затрат и результатов. В православной культуре эта шкала оказалась шире, охватывала более широкий спектр ценностей, попавших в сферу хозяйственной деятельности, кроме того она распространялась на более длительные временные горизонты, не ограничиваясь временем земной жизни. При этом две составляющие мещанского духа, о которых писал В. Зомбарт, сохранялись. Первая была связана с урегулированием внутреннего устройства хозяйства и исключала расточительность и праздность. Вторая имела непосредственное отношение к деловой морали и подразумевала верность договоренностям, пунктуальность в обязательствах, коммерческую солидарность [4, с.14]. История свидетельствует, что нарождающееся в конце XIX - начале XX в. российское предпринимательство старалось четко следовать нормам деловой этики: неустойка, опоздание, невыполнение слова, как считали многие деловые люди, «прекращают доверие и расстраивают обороты дела». В 1912 г. в России появился свой кодекс деловой этики - «Принципы ведения дела», положения которого большинство российских деловых людей неуклонно соблюдали. Документ представлял собой публичное выражение годами сформировавшихся норм и прав, среди которых были честность, правда, верность слову, доверие и даже любовь [5, с.220-221].

Наиболее наглядно православные хозяйственные ценности проявлялись в отношении к собственности. Они основывались на положении о том, что собственность (а точнее владение) было дано человеку даром Божиим, поэтому важно не то, что с ее помощью можно произвести, а то, как приобретается, и как ею распоряжаются. Собственность рассматривалась в качестве социального института, позволяющего человеку выполнять свой христианский долг,

сдерживающего порочные наклонности и противодействующего им. При этом существовали серьезные моральные ограничения, касающиеся злоупотребления собственностью и чрезмерного обогащения. При том что такого рода этические установки были характерны для всех ветвей христианства, протестантизм пошел дальше проявленной православной и католической церковью терпимости в отношении собственности. Так как материальное благосостояние являлось здесь важнейшей составляющей жизненного успеха, протестантизм значительно благосклоннее относился к торговле, предпринимательству и прибыли, отвергал средневековые запреты на ростовщичество, признавал благотворность денег и кредита.

В православной хозяйственной культуре особый упор делался на то, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав является труд, поэтому справедливая собственность мыслилась исключительно как функция труда. Именно трудовой фактор в обретении собственности позволял обеспечивать не только материальное, но и духовное благополучие человека. Согласно этим представлениям, труд, материализованный в собственности, определял достаток человека, а богатство становилось результатом единства труда и собственности, формулой не только имущественной, но и социальной гармонии. Именно этим можно объяснить, в частности, отрицательное отношение русского крестьянства к использованию земли в качестве капитала, как источника обогащения и эксплуатации наемного труда. Эти качества явились, в конечном итоге, индикаторами для определения «кулака» в период Октябрьской революции. Присвоение земли для ведения трудовой деятельности рассматривалось, с одной стороны, как средство пропитания, а с другой, как средство исполнения обязанностей перед государством. При этом происхождение крестьянского права на землю связывалось с тягловой обязанностью перед государством, а происхождение помещичьего права в отношении крестьян и земли - со служилой обязанностью. Во многом поэтому передача помещикам земли в собственность в период буржуазных экономических реформ в России была воспринята большинством крестьян с

непониманием и неодобрением.

Отношение к прибыли в православной христианской этике также оставалось сдержанным. Ее получение оправдывалось необходимостью поддержания определенного, достаточного для нормального проживания, уровня жизни. В то время как в западной доктрине прибыль являлась важным показателем успешности и даже богоугодности человека (в соответствии с протестантским учением о спасении), что предопределило более благосклонное к ней отношение. Во многом благодаря протестантской Реформации успехи в хозяйственной деятельности и приумножении капитала стали считаться показателем «божественной благодати», признаком «избранности». Эти предпочтения, однако, сопровождались моральными ограничениями, характерными для всей христианской культуры. В ней порицались пороки, связанные с богатством, которое не должно было становиться самоцелью и служить удовлетворению низменных желаний его обладателя. Прибыль и богатство через повышение жизненного уровня предпринимателя должны были служить повышению материального благосостояния всех членов общества, включая тех, кому менее повезло из-за причин от них независимых. При этом протестантизму удалось разорвать укоренившуюся связь между богатством и праздным удовольствием и представить достижение материального достатка нравственно обязательной целью. Речь шла о самообуздании капиталистов в потреблении, организации процесса получения прибыли в рамках рационально выверенного и организованного хозяйства, где важное значение придавалось инвестированию, а не личному обогащению. В рамках этой духовной доктрины богатство перестало рассматриваться в качестве простой предпосылки праздности, а все больше становилось условием роста производства, требовало от своего обладателя вложения материальных и человеческих ресурсов в обеспечение расширенного воспроизводства. Такой подход к предпринимательской прибыли, а главное его практическое воплощение, порождал целый ряд позитивных последствий. Во-первых,

появлялся серьезный стимул для развития рациональных подходов к делу; происходила последовательная рационализация структуры производства; получили развития договорные отношения, предполагающие четкое выполнение взаимных обязательств, без чего мог спокойно обойтись авантюристический, спекулятивно-торговый и политически обусловленный капитализм всевозможных видов [1,с.50,54]. Во-вторых, происходила нравственная легитимация предпринимательской деятельности в обществе, что способствовало ее успешному развитию. Методический рационализм буржуазного предпринимательства роднил труд предпринимателя с другими видами труда, противопоставляя его авантюристическому капиталу.

Православная хозяйственная культура отличалась более сдержанным отношением к прибыли, так как материальный успех предпринимательского дела еще не являлся доказательством его нравственной оправданности и богоугодности. Нравственную оправданность предпринимательству в России обеспечивало, прежде всего, социальное служение и социальная ответственность, которые являлись главными моральными обязательствами российских предпринимателей перед государством и обществом. Если в протестантской этике труд и предпринимательство рассматривались по большей части как индивидуальный поступок, то в православии это был долг перед другими людьми, и в большей степени не столько перед семьей или общиной, сколько перед обществом в целом [3,с.10]. Идеология служения, которая получила развитие в дореволюционной России, сохранилась и после социалистической революции, правда, в измененном виде - как идеология служения социалистическому Отечеству, борьбы за достижение целей социалистического строительства. Идея общественного служения выполняла мотивационную и интеграционную функции, так как объединяла общество вокруг определенных задач (прежде всего, политических и оборонных). Кроме того, она в значительной степени оправдывала получение больших материальных благ теми, на кого приходилось больше социальной

ответственности. Как видно, благотворительность и меценатство были лишь самыми простыми формами социального служения, так как работа на общий результат рассматривалась как неизменная внутренняя составляющая любого труда.

Особенности мировоззренческих установок восточного христианства повлияли на принципы вознаграждения за труд, так как в рамках этой доктрины не придавалось должного значения соблюдению принципа адекватности между затраченным трудом и вознаграждением, что порождало склонность к уравнительности. Католические богословы, включая Св. Фому Аквинского, Антонина Флорентийского и др., посвящали свои труды именно проблеме справедливого вознаграждения за сделанную работу, вопросам обеспечения «справедливой» и «законной» цены. Благодаря этим трудам получила развитие классическая политэкономия Нового времени, сформировались представления о нормах экономического поведения [2, с.68].

Таким образом, тип хозяйственного рационализма имел свои особенности в православной (восточной) и западной (католической и протестантской) хозяйственной этике. Восточной традиции был характерен «расширительный» тип хозяйственного рационализма, который, во-первых, не замыкался узко материальным интересом, а во-вторых, был рассчитан на более длительную перспективу, которая выходила за границы земной жизни. И хотя это сдерживало развитие прагматической стороны хозяйственного рационализма, создавались дополнительные преимущества в решении общих задач, расширялись временные горизонты предпринимательской активности. Так как западная традиция за «точку отчета» брала человека в его реальном положении дел, то она оказалась с самого начала более приближена к жизненным реалиям и смогла продвинуться в построении социально ориентированного рыночного хозяйства. Учитывая общую христианскую составляющую европейской культуры, можно полагать, что легитимация рыночной экономики в странах с православной культурой, к которой можно отнести Россию, возможна только в

форме социальной рыночной экономики. Об этом, в частности, можно судить и по основным тезисам «Социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой в 2000 г., и этическому кодексу «Христианские принципы хозяйствования», который был озвучен в 2004 г. [6].

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. - М.: РОССПЭН, 2006
2. Коваль Т.Б. Этика труда в православной традиции // Общественные науки и современность. - 1994. - № 6.- С.55-70
3. Коваль Т.Б. Личность и собственность. Христианство и другие религии мира // Мир России. - 2003. - № 2.- С.3-45
4. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1998
5. Шикирев П.Н. Этические принципы ведения дел в России. - М.: Финансы и статистика, 1999
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, 2005.
Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/141422.html>